

МАТЕРИНСТВО В ДИСКУРСАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: НОРМАТИВНАЯ, ПУБЛИЧНАЯ И НАУЧНАЯ ПОВЕСТКИ¹

И. А. Симонова, А. В. Швецова, Г. А. Шеметов

Симонова Ирина Александровна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия
Эл. почта: luboe05@mail.ru. ORCID 0000-0001-8669-6376

Швецова Анастасия Владимировна

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия
Эл. почта: shvetsovaav@mail.ru. ORCID 0000-0002-3379-1959

Шеметов Георгий Андреевич

Azat Mitk Training Center, ул. Наири Зарьяна, д. 28, Ереван, 0014, Армения
Эл. почта: geoshemetov@hotmail.com. ORCID 0000-0001-7413-9708

Аннотация. Исследование современного материнства приобретает особую актуальность, если ракурс рассмотрения смещается с сугубо медицинских и психологических тем в сторону социально-политического анализа. Увидеть мать не только в качестве репродуктивной единицы или субъекта заботы о ребенке, но и как полноценного участника социальных отношений со своими специфическими потребностями, потенциалом и практиками означает сделать шаг в сторону адекватных мер поддержки российских женщин. Обращение к концепту «госфеминизм» в качестве исследовательской оптики позволяет оценить дискурсивное наполнение официальной, доминирующей позиции по вопросу материнства в России. Конкретизация способов воплощения категории «материнство» в государственной политике и массовом сознании требует внимания к трем группам маркеров, которые позволяют изучить специфическую динамику этого явления: нормативный, публичный и научный дискурсы. В результате установлено, что российский госфеминизм носит синкретический характер с точки зрения идеологических паттернов, которые определяют его содержание. Так, на нормативном уровне традиционалистские ориентации соседствуют с проблематизацией гендерной асимметрии, социал-феминистскими трендами. Публичный дискурс обнаруживает несколько вариантов «гендерного контракта» или моделей взаимодействия женщин-матерей со своими детьми, большинство из которых формируют сложные социальные ожидания, ставящие женщину в трудное положение. Научный дискурс чаще ориентирован на исследование демографических аспектов идентичности матерей, нежели на анализ их культурных, религиозных или психологических различий, включая миноритарные параметры телесности, сексуальности, гендерной идентичности. Далеко не всегда авторы стремятся изучать анализируемую реальность как сложную и гетерогенную, допуская редукционистские подходы. В некоторых случаях теоретические материалы носят подчеркнутую схоластический или спекулятивный характер. Можно сделать вывод о невозможности универсальной доктрины, которая бы выражала всеобщие интересы или претендовала на разрешение всех противоречий, что побуждает к дальнейшему анализу реальных социальных практик матерей как комплексной характеристики нестабильной персональной идентичности.

Ключевые слова: материнство, практики материнства, госфеминизм, национальная стратегия, гендер, женщина.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00636 «Современные "нематеринские" практики молодых матерей: репертуар, потенциал и общественный риск».

Для цитирования: Симонова И. А., Швецова А. В., Шеметов Г. А. Материнство в дискурсах государственной семейной и демографической политики современной России: нормативная, публичная и научная повестки. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2024. Т. 25. № 4. С. 6–19.

Введение

Проблема материнства может рассматриваться с различных теоретических позиций, однако все эти позиции имеют отношение к социально-философскому анализу гендерной политики, в том числе в плоскости семейных и демографических вопросов. Даже в том случае, когда речь заходит об узкоспециализированных дисциплинах и способах мышления, они обнаруживают определенную дискурсивную традицию, а следовательно, имеют общественно-исторический контекст, функционируют как проекция тех или иных моделей политического действия или организации. Тем более очевидна потребность в гендерном анализе, когда речь заходит об изучении специфических явлений жизненного мира, которые становятся предметом повышенного общественного/ государственного внимания и осуществляются исключительно женщинами в социальном пространстве и времени.

В данной статье анализируется содержание концепта «материнство» применительно к современной российской ситуации с точки зрения официальных дискурсов. Данный текст призван дать оценку дискурсивному наполнению практик, которые сопровождают жизненный мир женщины — практик материнства. При этом важно отметить, что оценки, фреймы и стереотипы восприятия, обращенные к женщине, а также содержание ее эмоциональных переживаний нуждаются в расшифровке с точки зрения гендерных моделей, функционирующих в обществе. Исследование концепта «материнство», его методологически корректное отображение предполагают реализацию нескольких теоретических задач: во-первых, необходимо понять, каким образом материнство связано с практиками и социальными ролями современной российской женщины. Сложность заключается в том, что материнство — это гендерный конструкт, следовательно, его содержание выходит за границы биологической программы или функционирует в системе социально-символической интерпретации. Кроме того, нематеринские функции, являющиеся частью повседневной жизни, оказывают взаимное влияние на способы воплощения собственно материнских ролей (материнские функции значительно определяют нематеринские практики), формируя образ женщины как социально-политического субъекта в конкретных ситуациях ее личной и общественной жизни. Оба вида практик в разной мере используются в оформлении легитимной концепции материнства на уровне соответствующих стратегий политики. Во-вторых, конкретизация способов воплощения категории материнства в государственной политике, общественной жизни и массовом сознании требует внимания к трем группам маркеров, которые позволяют изучить специфическую динамику этого явления: нормативный дискурс и государственные программы, публичный дискурс и научный дискурс. Каждый из этих элементов должен быть проанализирован с точки зрения имманентно присущих ему паттернов, которые тем или иным образом коррелируют друг с другом, а также вступают в сложные, нелинейные и противоречивые отношения с жизненным миром современных женщин, с особенностями их сознания, мировоззрения, потребностями и идентификационными ролями.

Методология и концептуальная рамка

В качестве исследовательской оптики для осуществления данных задач продуктивным видится обращение к концепту «госфеминизм» (Швецова, Зиброва, 2023). С первого взгляда кажется, что оно не является бесспорным для описания актуального исторического контекста, если учитывать неоконсервативный тренд, вступающий в противоречие с философией европейского модерна, где в наиболее полной, последовательной и систематической форме проблематизированы вопросы гендерной идентичности и женских прав. Общественно-политический дискурс в России развивается в направлении традиционалистской аксиологии, однако имеются основания считать термин «госфеминизм» уместным с нескольких точек зрения. В хронологическом плане идеология эгалитарных прав закреплена в различных документах, определяющих инерционную государственную политику в этой сфере. Примером служит «Гендерная стратегия России»², принятая Министерством труда и социального развития в 2002 г., Национальная стратегия действий в интересах женщины, на 2023–2030 годы³, а также ряд других национальных документов, соответствующих международным конвенциям. Как показывают многие исследования в социально-демографической структуре населения и публичной деятельности в России XX в. преобладали женщины, что было обусловлено драматическими событиями и катаклизмами — в первую очередь военными конфликтами и внутренними потрясениями. Отсюда логично сделать вывод о том, что именно женщины брали на себя ключевую ответственность в жизни государства и общества — даже в тех парадоксальных случаях, когда сами оставались носительницами патриархатных предубеждений в рамках классической оптики «гендерного бинаризма» (термин, используемый С. Бем в работе «Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов» (Бем, 2004).

Поэтому мы исходим из следующей установки: на различных этапах развития в течение многих десятилетий советское и российское государство, независимо от парадигмы его внутреннего устройства, идеологических ориентиров и способов самоописания (советская версия социализма или постсоветская политэкономическая модель), а вслед за ним и другие социальные институты, опирались на базовые принципы гендерного равенства, адаптируя их к текущим и ситуативным обстоятельствам. Именно по этой причине мы говорим о госфеминизме как специфической проекции модерна, вернее, о различных его версиях и оттенках, которые оказываются уместными, прагматически оправданными и применимыми в определенных границах социально-исторического бытия и массового сознания: от смелых общественных экспериментов 1920-х г. до противоречивого нарратива «традиционных семейных ценностей» 100 лет спустя. Нас, однако, интересует, в первую очередь современный этап существования российского общества и государства на уровне симптоматических текстов, дискурсов и практик, иллюстрирующих положение женщин и статус материнства.

Следуя указанной логике, проанализированы ключевые федеральные нормативные акты, затрагивающие вопросы поддержки женщин: Гендерная стратегия Российской Федерации (2002), регламентирующая направление гендерной политики

² Гендерная стратегия Российской Федерации (2002). Режим доступа <http://www.owl.ru/win/docum/rf/strategy/strategy.htm>

³ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. №4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.». Режим доступа <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/#1000>

до 2022 года, Национальная стратегия действий в интересах женщин, распространяющаяся на 2017–2022 гг.⁴ и Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.⁵, принятая 29 декабря 2022 г.

Анализ нормативной повестки

Официальный государственный дискурс ориентирован на укрепление института семьи, призванной обеспечивать развитие человеческого потенциала (Ивлева, 2023). Для того чтобы это развитие обладало устойчивыми и системными характеристиками, Гендерная стратегия РФ утверждает необходимость «признания особого вклада женщин в устойчивое воспроизводство и развитие людских ресурсов»⁶. В новой Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. также особое внимание уделено сохранению здоровья женщин всех возрастов с особым акцентом на репродуктивном здоровье, что позволяет увидеть устойчивую ориентацию на приоритетность и общественную важность материнских функций женщины как базовых для обеспечения всеобщего благополучия.

Вместе с тем наряду с неявными традиционалистскими ориентациями с акцентом на приоритетность репродуктивной функции женщины и соответствующих мерах поддержки хорошо просматривается тренд на поддержку «нематеринских» практик матерей. В качестве такого примера можно привести отраженную в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. обучающую программу «Мама-предприниматель», разработанную специально для женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком, матерей несовершеннолетних детей, а также женщин, находящихся на учете в службе занятости. Этот тренд заметен и в преемственной стратегии до 2030 г.

Одновременно имеющиеся документы обращаются к теме гендерной асимметрии, считая способом ее преодоления не только создание условий для самореализации женщин, обеспечение их прав в публичной и приватной сфере жизни, но и ликвидацию сложившегося дискриминационного положения мужчин, в том числе их права в области родительства и воспитания детей. Таким образом, в фокусе внимания оказывается взаимная связь материнства и отцовства, что очень актуально, поскольку формы отцовского поведения поддерживают определенные формы материнства и наоборот (Янак, 2022; Симонова, Швецова, 2023). Важно, что и в Национальной стратегии действий в интересах женщин до 2030 г. внимание уделено обеспечению равных прав и свобод мужчины и женщины, в том числе на преодоление стереотипных представлений о социальных ролях мужчины и женщины.

Следует отметить и стремление к разрешению на документальном уровне дилеммы, возникающей из очевидного несовпадения категорий «равенство» и «справедливость»: постулируется государственное вмешательство, гарантирующее базовый уровень и качество жизни каждому гражданину независимо от его идентификационных

⁴ Распоряжение Правительства РФ (2017). Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы. № 410 п от 08.03.2017 г. Режим доступа <http://static.government.ru/media/files/ilHtVckhskBAE9DAfID3AkpD787xAOc4.pdf>

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. №4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.». Режим доступа <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/#1000>

⁶ Гендерная стратегия Российской Федерации (2002). Режим доступа <http://www.owl.ru/win/documrf/strategy/strategy.htm>

характеристик. Так, в Гендерной стратегии мы находим ориентацию на «превентивную защиту наиболее уязвимых социальных групп, к которым относятся и матери, от негативного влияния имущественной и социальной дифференциации», а также на их «адаптацию к изменяющимся политическим и экономическим условиям с учетом экономического потенциала, природной, этнокультурной и религиозной специфики субъектов Российской Федерации». И, что особенно важно, речь идет также о создании дополнительных преимуществ для матерей, поскольку они относятся к лицам, роль которых искусственно принижается, или они попадают в группы риска, подвергаются маргинализации или стигматизации (Волкова, Кудяева, 2020; Гизатуллина, 2021). Таким образом, женщинам-матерям, предоставляются компенсационные возможности (повышение уровня образования женщин-матерей, поддержка их предпринимательских инициатив, создание новых форм занятости и др.). В Национальной стратегии действий в интересах женщин до 2030 г. отмечено, что для повышения конкурентоспособности женщин на рынке труда и создания условий для совмещения семейных обязанностей по воспитанию детей с трудовой деятельностью женщинам, имеющим детей дошкольного возраста, уже предоставлена возможность пройти профессиональное обучение. С 2020 г. расширены категории женщин, для которых организуется профессиональное обучение и предоставляется возможность получения дополнительного профессионального образования. Между тем в том же документе в части оценки современного положения женщины обозначены актуальные проблемы: «сохраняются барьеры занятости для женщин, обусловленные стереотипными представлениями о социальных ролях мужчин и женщин. Женщины имеют высокую бытовую нагрузку, в том числе по уходу за детьми и иными членами семьи, полностью или частично лишенными способности к самообслуживанию»⁷. Также отмечается, что «по опросам Федеральной службы государственной статистики, работающие женщины тратят на ведение домашнего хозяйства на 1,5–2 часа, или в 2–2,5 раза, больше времени, чем мужчины. Это создает трудности в совмещении женщинами семейных обязанностей и трудовой деятельности»⁸. В проблемном ключе рассматривается ситуация, в которой, несмотря на высокий уровень образования и занятости женщин, разрыв в заработной плате женщин и мужчин в среднем по экономике практически не меняется и сохраняется на высоком уровне (28%)⁹.

Можно, однако, утверждать, что российский госфеминизм носит синкретический характер с точки зрения идеологических паттернов, которые определяют его содержание, что верно и в части рассмотрения темы материнства. Следует отметить и тот факт, что в год создания Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг., где профилактика и предупреждение социального неблагополучия женщин и насилия в отношении женщин заявлены одним из ключевых направлений, произошла декриминализация случаев домашнего насилия: вступил в силу федеральный закон о переводе домашних побоев, совершенных впервые, из уголовных преступлений в административные правонарушения. Важно, что

⁷ Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 г. №4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» Режим доступа <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/#1000>

⁸ Там же.

⁹ Там же.

экономическая зависимость женщин в период ухода за малолетними детьми делает их более уязвимыми для домашнего насилия, а в некоторых ситуациях даже снижает экстраординарность насилия, переводя его в разряд допустимой рутины, к сожалению, и в собственном сознании и восприятии матерей. Это открывает новые возможности для злоупотреблений, легитимируемых их натуралистической аргументацией или ссылкой на ошибочное толкование традиционных ценностей, ложную недопустимость вмешательства в квазисакральные области жизненного мира семьи. Поскольку материнские функции, по крайней мере на определенном этапе их реализации, по определению выводят женщин за рамки публичной экономической деятельности или формируют дезадаптационную эмоциональную нагрузку, можно предположить, что женщины-матери оказываются наиболее уязвимой социальной категорией в ситуациях домашнего насилия. В этом смысле его декриминализация, в сущности, означает дополнительный риск для успешного и гармоничного функционирования института семьи, а также реализации государственных демографических программ.

Отметим и другое противоречие: с одной стороны, в документах воспроизводится традиционная модель представления о семье как союзе мужчины и женщины, в задачи которого входит преемственная трансляция социального опыта, с другой стороны, утверждается необходимость преодоления традиционной гендерной асимметрии с точки зрения распределения женских и мужских ролей как внутри системы семейных отношений, так и за ее пределами. То же прослеживается и в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг., и далее — в новой стратегии до 2030 г. Важно подчеркнуть, что семья, будучи историчным феноменом, меняет свои признаки и функционал с течением времени, а потому преемственность социального опыта может создавать барьеры для улучшения положения матерей в семье. Обращаясь к репертуарам, формам и способам существования материнских функций, нужно помнить, что любая биологически детерминированная программа преломляется сквозь призму социально-символической реальности как атрибут человеческого способа бытия в мире, каждый раз обнаруживая свои новые и неочевидные экспликации. Поэтому материнство как признак женской природы несводимо к сугубо натуралистическим инвариантам, а проявляет себя в феноменологическом многообразии социальных ролей и видов деятельности, что отражается и на модели семьи.

Аналогичным образом в документах происходит смешение идеологических принципов, характерных для различных и часто взаимоисключающих концепций гендерной философии. Например, когда речь заходит о формальном равноправии, читателя имплицитно отсылают к классическим концепциям либерального феминизма (Брайсон, 2001), основанного на базовых моделях «естественного права». Эти модели включают неотъемлемое право частной собственности, а также постулируют минимальное вмешательство государства в общественные процессы. Однако в случае, если речь идет о механизмах обеспечения справедливого перераспределения благ в условиях доминирования гендерных стереотипов в культуре, СМИ и массовом сознании, государственная политика точечного вмешательства в общественно-экономические процессы, включая коррекцию или ограничение права частной собственности, становится уместной. В этом случае мы говорим о выходе за пределы классической либеральной версии феминизма в сторону концепций социалистического феминизма, согласно которому трансформация

материального базиса необходима и для гарантий формального соблюдения прав женщин, в том числе в ситуации материнства, и для гарантий преодоления бинарной гендерной оптики. Более того, признание сложной, противоречивой конструкции персональной идентичности, т.е. факта наличия множества женщин, чьи интересы не могут быть редуцированы к единому и универсальному основанию, не совпадают друг с другом или по-разному проявляют себя в зависимости от экономических, религиозных, национальных, региональных факторов, позволяет говорить о том, что указанные документы опираются также на идеи постфеминизма, для которого дискурс женских прав в чистом виде представляется метафизической абстракцией.

Отечественный госфеминизм в публичной повестке

Когда мы говорим о положении женщин-матерей, важно принимать во внимание интеракционистский аспект этой темы. Проясняя его содержание, обратимся к вопросу о том, каким образом тема материнства воплощается в публичном дискурсе. Американский социолог И. Гофман в работе «Представление себя другим в повседневной жизни» (Гофман, 2021) продемонстрировал механизмы взаимной обусловленности представлений людей о самих себе и представлений людей друг о друге в системе социальной коммуникации. Ключевым фактором, влияющим на содержание данного процесса, являются фреймы — базовые программы, укорененные в социально-символическом универсуме, которые определяют параметры отражения людьми их ролей, идентичностей и социальных ситуаций.

Анализ содержательного наполнения материнства в публичном дискурсе российского госфеминизма возможен, в том числе с помощью обращения к официальным высказываниям первых лиц государства. Так, наиболее показательными видятся поздравительные обращения Президента России в связи с Международным женским днем. Обзор таких высказываний за период с 2000-х гг. обнаруживает ряд отчетливых, но противоречивых трендов, важных для понимания официальной позиции по женскому вопросу: в обращениях в концентрированном виде содержится символический посыл государства к нации. В начале нулевых много говорилось о необходимости выстраивания гендерно-сбалансированного общества, где, руководствуясь принципом справедливости, женщины получали бы доступ к административным и финансовым ресурсам, были интегрированы в процессы принятия решений, а вопросу материнства уделялось меньше значения, хотя речи и содержат указания на «особые женские качества», которые могут пригодиться в работе¹⁰. Между тем к концу первого десятилетия XXI в. возросло внимание к материнству как к ключевой функции женщины. Отмечалось, что эта трудная задача, потому требует от государства мер по финансовой поддержке и стимулированию рождаемости, а также комплексного внимания к проблемам материнства¹¹. Последующее десятилетие в поздравительных высказываниях усиливается этот тренд: женственность определяется через материнство, повышается важность соответствию традиционным канонам. Функция государственной политики в отношении женщин

¹⁰ Путин В.В. Вступительное слово на встрече с представительницами деловых и общественных кругов (7 марта 2001). Сайт Президента России. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/news/40757>

¹¹ Медведев Д.В. В преддверии 8 Марта Дмитрий Медведев встретился с многодетными матерями (7 марта 2011). Сайт Президента России. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/news/10540>

видится в создании мер стимулирования рождаемости, к материнскому капиталу добавились пособия и выделение земельных участков для многодетных матерей. Констатация неравномерности распределения домашней нагрузки на женщин оказывается сопряжена с идеей о поддержке трудовых возможностей матерей, регулярно отмечается важная роль женщины в экономике и культуре. Это отражает некоторое противоречие российского госфеминизма: попытку совместить явную ориентацию на традиционалистскую модель и эгалитарные тенденции. Сегодня проблема сложности женской роли определяется как неизбежное и во многом естественное положение для женщины. Таким образом, современная мать непостижимым образом поспекает качественно выполнять домашние функции, при этом остается важным элементом экономического развития страны, от нее ожидается профессиональный успех, и двойственность этих ожиданий отражается в официальной риторике как не требующая коррекции¹².

Академическая рефлексия российского госфеминизма

Еще одним важным компонентом изучаемой проблемы является теоретический дискурс, т.е. материалы в российских научных журналах, которые отражают проблему материнства на уровне официально принимаемой академической рефлексии. Ключевым вопросам, возникающим в данной связи, относится вопрос о том, насколько адекватно наука описывает действительные потребности женщин, а также о том, насколько точно ее концептуальный аппарат и методологические ресурсы репрезентируют общественную динамику. В зависимости от того, как мы ответим на него, можно судить о том, способны ли гуманитарное знание и общественная наука выступать серьёзными экспертными инструментами для преобразования социальных институтов. Отрицая постмодернистский и постпозитивистский релятивизм, отказывающийся науке в объективности, мы тем не менее признаем ее зависимость от политических процессов и подверженность не всегда очевидному дискурсивному влиянию. Однако научный дискурс даже в неполном и фрагментарном виде — это один из наиболее качественных способов самоопи­сания общества, на основе которого можно делать выводы о его текущем статусе, внутреннем устройстве, антагонизмах, динамике вероятных изменений и т.д. Кроме всего прочего, он оказывает влияние на социальную систему самим фактом своего существования — применительно к наукам о человеке и общественных явлениях мы имеем дело с последовательным выражением неклассической парадигмы научной рациональности, где граница между субъектом и объектом исследования оказывается подвижной и проницаемой.

Относительно вопроса о том, насколько научные изыскания адекватны своему предмету, необходимо отметить, что многие авторы стремятся видеть анализируемую реальность как сложную и гетерогенную: примером может служить обращение к миноритарным, маргинальным и уязвимым группам матерей в статье Е. Л. Кругловой и М. Е. Родионовой «Социальный статус малолетних матерей в современной России» (Круглова, Родионова 2019), однако среди множества аналитических материалов на данную тему значительно больше тех, которые обращаются к возрастным, классовым и социально-экономическим аспектам идентичности матерей,

¹² Путин В.В. Поздравление российским женщинам с 8 Марта (8 марта 2017). Сайт Президента России. Режим доступа <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54007>

нежели тех, которые направлены на исследование их культурных, религиозных или психологических различий, включая миноритарные параметры телесности, сексуальности, гендерной идентичности.

В некоторых случаях теоретические материалы носят подчеркнуто схоластический или спекулятивный характер. Например, Е. Павлова в статье «Феномен современного материнства как нравственная ценность: социологический аспект» рассматривает моральные ценности как внеисторический феномен, а материнство — как «сакральный архетип» под угрозой «духовного выхолащивания» (Павлова, 2020). Подчеркнем, что это не единственный пример консервативно-идеалистического подхода к исследованию темы материнства, мы упоминаем его как характерную иллюстрацию определенного тренда, который в последнее время приобрел достаточно широкую популярность, хотя с методологической и концептуальной точки зрения вызывает серьезные нарекания. Л. Грицай в статье «Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект» называет его проявлением «традиционно-ценностного» социально-психологического типа материнства наряду с феминистским и компромиссным типами (Грицай, 2010). Подобные тексты сами по себе могут свидетельствовать о глубинном неблагополучии женщин-матерей в современном обществе, однако решения, которые предлагают авторы, либо непонятны носителям обыденного сознания, либо нереализуемы в текущем историческом контексте, либо могут привести к серьезным издержкам, на практике воспроизводя травматические гендерные роли, при этом легитимируя их ссылками на фиктивные и иллюзорные метафизические сущности.

Более актуальной представляется междисциплинарная парадигма, которая исходит из необходимости внимательного наблюдения за общественными процессами и их герменевтического толкования вне каких-либо заранее заданных схем. В ее рамках становятся уместными разноплановые аналитические материалы, которые можно было бы отнести к широкому спектру специальных наук — от психологии до биоэтики.

Примером последней может служить работа О. Ворониной «Новое» материнство: философско-антропологический взгляд» (Воронина, 2018), исследовательское внимание которой концентрируется не только на изменениях в символическом и ценностном мирах, но и на объективной технологической основе этих изменений, включая вспомогательные репродуктивные технологии. Автор упоминает радикальную теорию С. Файерстоун (Файерстоун, 1970), которая исходила из следующего тезиса: если женщины и мужчины перестанут играть субстанциально различные роли в репродуктивной драме, станет возможным устранение гендерного неравенства. Несмотря на то что столь смелые и эксцентричные идеи не нашли подтверждения, современная технологическая революция внесла значимый вклад в трансформацию нормативных представлений о том, что такое человеческая природа и каким образом она воплощается в репертуарах гендерного поведения, психике и самовосприятии людей. С другой стороны, многие работы и диссертационные исследования, посвященные этико-психологическим проблемам современного материнства (например, диссертации Л. Н. Трониной «Этико-психологические проблемы современного материнства» (Тронина, 2010), М. Ю. Чибисовой «Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины» (Чибисова, 2003) и др.), могут быть конкретизированы и дополнены исходя из этих новых явлений жизненного мира. В частности, речь

идет о том, каким образом технологии меняют эмоциональный опыт личности, а в более общем, предельном и философском смысле — о корреляции природных и культурных факторов в определении различных явлений нашего существования, в том числе материнства (биологического, определяемого через непосредственные родственные связи или социального, которое развивается через опосредованные социально-символические каналы и инструменты).

В целом материнская повестка вписана в более широкий гендерный контекст, очерчивающий контур социально-ролевых возможностей женщин и ожиданий от них. Анализ актуальных российских исследований в этой области показывает, что гендерная политика противоречива и многослойна, а в официальном дискурсе внимание акцентируется и на идее о биполярных ролевых моделях, и на равноправии. В. Успенская и Н. Козлова, используя концепт «феминистский мир-активизм», показывают, что реальные политики стран, провозгласивших феминистскую внешнюю политику, демонстрируют фактическую несбалансированность (Успенская, Козлова, 2022). А. Гнедаш на примере анализа контента лидеров мнений в социальных медиа раскрывает возможности конвертации общественных инициатив в политический капитал (Гнедаш, 2022). Т. Рябова и О. Овчарова, оценивая достижения и перспективы гендерной политики в России, показывают, что научный концепт «гендер» влияет на российскую повестку, резонируя с существующей в разных плоскостях гендерной асимметрией (Рябова, Овчарова, 2016). О. Хасбулатова и И. Смирнова указывают на противоречивые характеристики женского статуса, несоответствие уровня образования и социально-экономических, управленческих позиций (Хасбулатова, Смирнова, 2023).

Заключение

Подводя итоги, необходимо отметить, что независимо от того, каким образом на государственном уровне артикулируется и выстраивается отношение к проблеме управления гендерной политикой, наиболее общим признаком официального юридического подхода является стремление интегрировать модернистские принципы женских прав с традиционной шкалой материнства и семейных идеалов. Что же касается публичного и научного дискурса, то их содержание представляет собой важное свидетельство того факта, что в современном мире невозможно рассчитывать на создание универсальной, редукционистской доктрины, которая бы выражала всеобщие интересы или претендовала на разрешение всех противоречий. Именно поэтому мы говорим о материнстве как сложном феномене, доступ к пониманию которого возможен только через анализ реальных социальных практик матерей как комплексной характеристики нестабильной персональной идентичности. Вопрос о грамотном экспертном внимании к данной проблеме, о перспективах плодотворной интеграции науки и государственной политики остается открытым. Вероятно, в случае ее успешного осуществления мы сможем рассчитывать на эффективное решение наиболее острых проблем материнства, которые, что важно, во многом уже обнаружены в официальной нормативной повестке. Рассматривая базовые документы, стоит говорить и о механизмах, которые должны использоваться с целью обеспечения гендерного равенства, поскольку они не ограничиваются только правовыми инструментами. Формирование юридической системы, которая задает определенные образцы и стандарты социальной жизни, — очевидная необходимость и предпосылка движения к заявленным целям, однако необходимы решения, технологии и процедуры, способные обеспечить выполнимость и осуществимость

соответствующих формальных стандартов, а также работа с культурными нормами и представлениями людей о материнстве.

Библиографический список

- Бем, С. (2004). *Линзы гендера. Трансформация взглядов на проблему неравенства полов*. М.: РОССПЭН.
- Брайсон, В. (2001). *Политическая теория феминизма*. М.: Идея-Пресс.
- Волкова, А. С., Кудяева, М. М. (2020). Занятость женщин с семейными обязанностями: дискриминационные аспекты. В *Современные проблемы экономики и менеджмента* (с. 53–56). Москва: Издательство истоки.
- Воронина, О. А. (2018). «Новое» материнство: философско-антропологический взгляд». *Философская школа*, 6, 104–109. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647
- Гнедаш, А. А. (2022). Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(1), 64–89. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89
- Гидденс, Э. (2004). *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*. СПб.: Питер.
- Гизатуллина, А. В. (2021). Диагностика проблем социальной политики в сфере трудовых отношений российских матерей с детьми дошкольного возраста. *Вестник университета*, 8, 174–179. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-8-174-179
- Гофман, И. (2021). *Представление себя другим в повседневной жизни*. СПб.: Питер.
- Грицай, Л. А. (2010). Кризис традиционного материнства в современной России: социально-психологический аспект. *Журнал практической психологии и психоанализа*, 3. Режим доступа <https://psyjournal.ru/articles/krizis-tradicionnogo-materinstva-v-sovremennoy-rossii-socialno-psihologicheskij-aspekt>
- Ивлева, Т. А. (2023). Гендерная политика в современной России: основная проблематика. *Социально-гуманитарные знания*, 5, 108–114.
- Исупова, О. Г. (2018). Интенсивное материнство в России: матери, дочери и сыновья в школьном взрослении. *Неприкосновенный запас*, 3, 180–189.
- Кон, И. С. (2009). *Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире*. М.: Время.
- Круглова, Е. Л., Родионова, М. Е. (2019). Социальный статус малолетних матерей в современной России. *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 1, 124–132. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-124-132
- Павлова, Е. Г. (2020). Феномен современного материнства как нравственная ценность: социологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, 4, 80–85.
- Рябова, Т. Б., Овчарова, О. Г. (2016). Гендерная политология в России: достижения, проблемы и перспективы. *Женщина в российском обществе*, 1(78), 3–23.
- Симонова, И. А., Швецова, А. В., Кривошекова, М. С. (2023). «Как за каменной стеной»: вовлеченное отцовство в контексте возможностей материнской самореализации. *Социальные и гуманитарные знания*, 9(1), 102–113.
- Тренина, Л. Н. (2010). *Этико-психологические проблемы современного материнства* (кандидатская диссертация). Тула.
- Успенская, В. И., Козлова, Н. Н. (2022). Феминистская внешняя политика: концептуализация и имплементация понятия. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(1), 25–41. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41
- Хасбулатова, О. А., Смирнова, И. Н. (2023). Социальный статус женщин в российском обществе (1992–2022). *Женщина в российском обществе*, 4, 3–19.

- Чибисова, М. Ю. (2003). *Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины* (кандидатская диссертация). Москва.
- Швецова, А. В., Зиброва, Е. А. (2023). Дискурс российского госфеминизма: анализ официальных документов, определяющих гендерную повестку. *Журнал исследований социальной политики*, 21(2), 275–292. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-275-292
- Янак, А. (2022). Факторная модель отцовской вовлеченности. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 25(4), 140–176. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.4.6
- Firestone, S. (1970). *The Dialectic of Sex*. New York: Bantam Books.
- Millett, K. (2016). *Sexual Politics*. New York: Columbia University Press.
- Hays, Sh. (1998). *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press.

Статья поступила в редакцию 12.09.2024.

Статья принята к публикации 18.11.2024.

MOTHERHOOD IN THE DISCOURSES OF STATE FAMILY AND DEMOGRAPHIC POLICY IN MODERN RUSSIA: NORMATIVE, PUBLIC AND SCIENTIFIC AGENDAS

I. A. Simonova, A. V. Shvetsova, G. A. Shemetov

Irina A. Simonova

Ural Federal University, St. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russia

E-mail: luboe05@mail.ru. ORCID 0000-0001-8669-6376

Anastasia V. Shvetsova

Ural Federal University, St. Mira, 19, Ekaterinburg, 620002, Russia

E-mail: shvetsovaav@mail.ru. ORCID 0000-0002-3379-1959

Georgy A. Shemetov

Azat Mitk Training Center, St. Nairi Zaryan, 28, Yerevan, 0014, Armenia

E-mail: geoshemetov@hotmail.com. ORCID 0000-0001-7413-9708

Acknowledgements. The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 22–28–00636 “Modern “non-maternal” practices of young mothers: repertoire, potential and public risk”.

Abstract. The study of modern motherhood is of particular relevance if the perspective shifts from purely medical and psychological topics towards socio-political analysis. To see a mother not only as a reproductive unit or a subject of child care, but as a full-fledged participant in social relations with her own specific needs, potential and practices, means taking a step towards adequate measures to support Russian women. Turning to the concept of “state feminism” as a research optics allows us to assess the discursive content of the official, dominant position on the issue of motherhood in Russia. Specifying ways to embody the category of “motherhood” in public policy and public consciousness requires attention to three groups of markers that allow us to study the specific dynamics of this phenomenon: normative, public and scientific discourses. As a result, it was found that Russian “state feminism” is syncretic in terms of ideological patterns that determine its content. Thus, at the normative level, traditionalist orientations coexist with the problematization of gender asymmetry and social feminist trends. Public discourse reveals several variants of the “gender contract” or patterns of interaction between mothers and their children, most of which form complex social expectations that put a woman in a difficult position. Scientific discourse is more often focused on the study of the demographic aspects of mothers’ identity than on the analysis of their cultural, religious or psychological differences, including minor parameters of physicality, sexuality, and gender identity. Authors do not always strive to study the analyzed reality as complex and heterogeneous, allowing for reductionist approaches. In some cases, the theoretical materials are emphatically scholastic or speculative. It can be concluded that a universal doctrine that would express universal interests or claim to resolve all contradictions is impossible, which prompts further analysis of the real social practices of mothers as a complex characteristic of an unstable personal identity.

Keywords: motherhood, motherhood practices, state feminism, national strategy, gender, woman.

For citation: Simonova I. A., Shvetsova A. V., Shemetov G. A. Motherhood in The Discourses of State Family and Demographic Policy in Modern Russia: Normative, Public and Scientific Agendas. *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2024. Vol. 25. No 4. Pp. 6–19.

References

- Bem, S. (2004). *Linzy genera. Transformaciya vzglyadov na problem neravenstva polov* [Gender lenses. Transformation of Views on the Problem of Gender Inequality]. Moskva: ROSSPEN.
- Braison, V. (2001). *Politicheskaya teoriya feminizma* [Political theory of Feminism]. Moskva: Ideya-Press.
- Chibisova, M. Yu. (2003). *Fenomen materinstva i ego otrazhenie v samosoznanii sovremennoi molodoi zhenshchiny* [The Phenomenon of Motherhood and Its Reflection in the Self-Consciousness of a Modern Young Woman] (Candidate's Thesis). Moscow.
- Giddens, E. (2004). *Transformatsiya intimnosti. Seksual'nost', lyubov' i ehrotizm v sovremennykh obshchestvakh* [Transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Contemporary Societies]. SPb.: Piter.
- Gizatullina, A. V. (2021). Diagnostika problem sotsial'noi politiki v sfere trudovykh otnoshenii rossiiskikh materei s det'mi doskol'nogo vozrasta [Diagnosis of Social Policy Problems in the Sphere of Labor Relations between Russian Mothers and Preschool Children]. *Vestnik universiteta* [University Bulletin], 8, 174–179.
- Gnedash, A. A. (2022). Chetvertaya volna feminizma: politicheskii diskurs i lidery mnenii v sotsial'noi seti Tsvitter [The Fourth Wave of Feminism: Political Discourse and Opinion Leaders in Twitter]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 24(1), 64–89. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-64-89
- Gofman, I. (2021). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoi zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. SPb.: Piter.
- Gritsai, L. A. (2010). Krizis traditsionnogo materinstva v sovremennoi Rossii: sotsial'no-psikhologicheskii aspekt. [Crisis of Traditional Motherhood in Modern Russia: Socio-psychological Aspect]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psihoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 3. Retrieved from <https://psyjournal.ru/articles/krizis-tradicionnogo-materinstva-v-sovremennoy-rossii-socialno-psihologicheskiiy-aspekt>
- Hays, Sh. (1998). *The Cultural Contradictions of Motherhood*. New Haven: Yale University Press.
- Isupova, O. G. (2018). Intensivnoe materinstvo v Rossii: materi, docheri i synov'ya v shkol'nom vzroslenii [Intensive Motherhood in Russia: Mothers, Daughters and Sons in School Growing up]. *Neprikosnovennyy zapas* [Neprikosnovennyy zapas], 3, 180–189.
- Ivleva, T. A. (2023). Gendernaya politika v sovremennoi Rossii: osnovnaya problematika [Gender Policy in Modern Russia: Main Issues]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 3, 180–189.
- Firestone, S. (1970). *The Dialectic of Sex*. New York: Bantam Books.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N. (2023). Sotsial'nyi status zhenshchin v rossiiskom obshchestve (1992–2022) [The Social Status of Women in Russian Society (1992–2022)]. *Zhenshhina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 4, 3–19.
- Kon, I. S. (2009). *Menyayushchiesya muzhchiny v izmenyayushchemsya mire* [Changing Men in a Changing World]. Moscow: Vremya.
- Kruglova, E. L., Rodionova, M. E. (2019). Sotsial'nyi status maloletnikh materei v sovremennoi Rossii [The Social Status of Young Mothers in Modern Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University], 1, 124–132. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-124-132
- Millett, K. (2016). *Sexual Politics*. New York: Columbia University Press.

- Pavlova, E. G. (2020). Fenomen sovremennogo materinstva kak nrvstvennaya tsennost': sotsiologicheskii aspekt [The Phenomenon of Modern Motherhood as a Moral Value: A Sociological Aspect]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sociologiya* [Journal of the Belarusian State University], 4, 80–85.
- Ryabova, T. B., Ovcharova, O. G. (2016). Gendernaya politologiya v Rossii: dostizheniya, problemy i perspektivy [Gender Political Science in Russia: Achievements, Problems and Prospects]. *Zhenshhina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 1(78), 3–23.
- Shvetsova, A.V., Zibrova, E. A. (2023). Diskurs rossijskogo gوسفeminizma: analiz ofitsial'nykh dokumentov, opredelyayushchikh gendernuyu povestku [The Discourse of Russian State Feminism: An Analysis of Official Documents Defining the Gender Agenda]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 21(2), 275–292. DOI: 10.17323/727-0634-2023-21-2-275-292
- Simonova, I. A., Shvetsova, A. V., Krivoshchekova, M. S. (2023). “Kak za kamennoi stenoi”: vovlechennoe ottsovstvo v kontekste vozmozhnostei materinskoj samorealizatsii [“Like behind a Stone Wall”: Involved Fatherhood in the Context of Maternal Self-realization opportunities]. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya* [Social and Humanitarian Knowledge], 9(1), 102–113.
- Tronina, L. N. (2010). *Ehtiko-psikhologicheskie problemy sovremennogo materinstva* [Ethical and Psychological Problems of Modern Motherhood] (Candidate's Thesis). Tula.
- Uspenskaya, V. I., Kozlova, N. N. (2022). Feministskaya vneshnyaya politika: konceptualizaciya i implementaciya ponyatiya [Feminist Foreign Policy: Selected Issues of Conceptualization and Implementation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 24(1), 25–41. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41
- Volkova, A. S., Kudaeva, M. M. (2020). Zanyatost' zhenshchin s semeinymi obyazannostyami: diskriminatsionnye aspekty. In *Sovremennye problemy ehkonomiki i menedzhmenta* [Employment of Women with Family Responsibilities: Discriminatory Aspects] (pp. 53–56). Moskva: Izdatel'stvo istoki.
- Voronina, O. A. (2018). “Novoe” materinstvo: filosofsko-antropologicheskii vzglyad [“New” Motherhood: Philosophical and Anthropological View”. *Filosofskaya shkola* [Philosophy School], 6, 104–109. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647
- Yanak, A. (2022). Faktornaya model' ottsovskoi vovlechennosti [Factor Model of Paternal Involvement]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 25(4), 140–176. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.4.6

Received 12.09.2024

Accepted 18.11.2024

© 2024 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).